

В.В. АФАНАСЬЕВ

КАРЛ ШМИТТ: ИЗ ИСТОРИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

АФАНАСЬЕВ Валерий Владимирович – доктор политических наук, доцент социологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова (E-mail: waleri777@mail.ru).

Аннотация. *Анализируется предложенная К. Шмиттом концепция перехода от государства правового и либерального к государству партийному, а от него – к тотальному. Рассматриваются его представления о содержании и характере борьбы в политике. Представлена геополитическая модель, касающаяся противостояния между англосаксонскими и евразийскими империями.*

Ключевые слова: *либерализм • парламентаризм • борьба за власть • вождь и его свита*

Немецкий политический философ и консервативный теоретик государственного права Карл Шмитт (1888–1985) является одним из родоначальников концепции авторитарного этатизма. Его работы: – “Учение о конституции”, “Понятие политического” (1928), “Легальность и легитимность” (1932), “Земля и море” (1942) – широко известны далеко за пределами Германии. Шмитт воспринимается как спорный мыслитель, поскольку его труды 1930 – 1940-х гг. несут отпечаток эпохи и влияния идеологии национал-социализма. Он вступил в 1933 г. в НСДРП, и в его работах встречаются антисемитские заявления, а также аргументация в оправдание единовластия фюрера. Тем не менее, с 1936 г. К. Шмитт оказался в политической изоляции после критики в его адрес со стороны ведущего идеолога Третьего Рейха и главного редактора “Völkischer Beobachter” А. Розенберга. Позднее Шмитт отвергал упреки в том, что он выступал апологетом тоталитарного государства. Его обращение в 1940 – 1950-е гг. к геополитической тематике явилось критической реакцией на универсалистские претензии со стороны США. В наше время Шмитт интересен прежде всего как исследователь и критик теорий правового государства, классических теорий либерализма и представительной демократии. Он ищет ответы на вопросы: Во что могут превратиться парламентские институты под влиянием многопартийности и роста партийной бюрократии? Как преодолеть противоречия интересов агентов выражения интересов торгово-финансового и промышленного капитала и издержки массовой электоральной демократии? Как устоять государству в таких условиях?

Государство и общество. К. Шмитт прослеживает эволюцию европейских политических форм через призму взаимодействия государства и общества. Общество для него – сфера частных интересов, которые не всегда совпадают с государственными. Эти понятия Шмитт взял из юридических наук, где деление права на частное и государственное является традиционным. Он исходит из распространенного в западноевропейской традиции положения, согласно которому государство представляет собой определенное состояние политического процесса, а не продукт божественной воли.

Соотношение между государством и обществом в истории Европы менялось. По мнению Шмитта, имела место смена “абсолютного” государства (абсолютизма) XVIII в. на “нейтральное” государство XIX в., которое стояло над обществом. Наконец, в XX в. возникает феномен “тотального государства”, при котором государство и общество проникают друг в друга. Дуализм государства и общества ведет к дуализму диктату-

ры и парламентаризма, приводит к борьбе между исполнительной и законодательной властями.

Шмитт различает стадии перехода от конституционного государства к партийному, а от последнего – к тотальному. Что собой представляет конституционная демократия в реальной политической жизни? Конституционное государство XIX в., по его мнению, состояло из правительства, монархической бюрократии и армии, которым противостояло гражданское общество. В этот период государство и общество находятся в состоянии баланса сил. Этот баланс нарушается, когда наступает господство парламентского правового государства. Задача парламента состояла во включении образованной буржуазии в монархическое государство. Важным моментом здесь становилось участие ее представителей в правительстве.

В тот момент, когда правовое государство побеждает государство монархическое, оно превращается в плюралистическое партийное государство. Сформированное парламентом правительство резко теряет эффективность и ввязывается в бесконечные дискуссии. Партийное государство рассматривается Шмиттом как стадия перехода к тотальному. Хотя последнее словосочетание присутствовало также в статьях и речах Муссолини, оно наделялось все же иным содержанием, означавшим полную централизацию политической власти и построение военизированного фашистского государства.

Критика либерализма. Шмитт борется с либерализмом и при этом ставит проблемы развития европейской демократии в условиях становления массового общества. Считая войну наивысшим выражением политики, он не боится показать все ее опасности и негативные последствия, в то время как либералы стремятся сделать политику безопасной, безобидной и даже удобной. Не случайно Шмитт в качестве одной из основ политической деятельности выдвигает готовность человека к смерти.

Шмитт показывает, почему благодаря распространению либерализма снижается политичность общественной жизни. При этом он обращает внимание на развитие процесса “тотализации” государства в тени либерализма и демократии. При этом он различает “аполитический” либерализм, который он именуется также денатуратом политики, и его противника в лице “политической” тотальной демократии.

Согласно Шмитту, не существует либеральных теорий политики, и есть только либеральная критика политики. Смысл либерализма он видит в борьбе с насилием со стороны государства. Причиной либерализма, согласно его объяснению, является индивидуализм, основанный на абсолютизации свободы личности. Парламентарную демократию Шмитт считал устаревшим и “буржуазным” методом политического управления, который утрачивает свою самоочевидность перед лицом новых социальных движений, возникающих по требованию жизни.

Шмитт характеризовал либерализм как организованную нерешительность и при этом заявлял, что “диктатура представляет собой противоположность дискуссии” [Schmitt, 1996: 67]. Суть политического либерализма – это “переговоры, выжидательная половинчатость с надеждами, что окончательная конфронтация, кровавая решающая битва может быть снята и смениться парламентскими дебатами....” [Schmitt, 1996: 67]. Иными словами, либеральное правительство отличается непоследовательностью, склонностью к импровизациям. Может показаться, что либерализм стоит на позициях экономики, но на самом деле он не в состоянии сделать выбор между экономикой и этикой. Согласно либеральным доктринам государство подлежит подчинению или индивидуалистической морали, или экономическим категориям.

В области внешней политики либерализм стремится создать мировую систему, которая раз и навсегда исключила бы войну между народами как нечто безнравственное. На деле же такая консолидация представляет собой ничто иное как инструмент экономического империализма. Современный экономический империализм пытается подменить понятия и не называет врага врагом, характеризует его как “нарушителя мира”.

Благодаря либерализму возникает сфера, лишенная политики, состоящая из дискуссий, а не из борьбы; из человечества, а не из государств; из программ, а не из самоутверждения; из экономического контроля, а не из политического господства. Шмитт упрекает либерализм в непоследовательности, в игнорировании деления на друзей и врагов, которое является сущностью политического [Schmitt, 1963: 26]. В качестве альтернативы либерализму, по мнению Шмитта, может выступать лишь коллективизм. Важное значение при этом имеет, считает он, отношение человека к смерти. Согласно индивидуалистической установке человек сам должен распорядиться своей жизнью, тогда как коллективизм призывает индивида жертвовать своими личными интересами и амбициями, а в крайних случаях – даже жизнью. Политический коллективизм выступает не только за самопожертвование, но и ориентирует индивидов на то, что в интересах общества допустимо жертвовать жизнями других людей.

Тоталитарная демократия. Шмитт, подобно автору “железного закона олигархии” Р. Михельсу, убежден в том, что демократическое правление с неизбежностью приводит к “тотализации” государства, в результате которой ранее относительно автономные области религии, культуры и экономики становятся ареной политической борьбы. Либерализм способствовал тому, что сфера политического, имевшая ранее четкие границы, начала размываться. Одновременно с этим процессом стали политизироваться и иные сферы общественной жизни. Распространение политики на другие сферы, как и использование их для достижения политических целей для Шмитта означает не что иное, как начало процесса “тотализации” государства.

По мнению немецкого ученого, демократическим государство становится в момент, когда заканчивается начатый либерализмом процесс “располитизации” общества. Осуществление демократии связано с установлением либерализма и его главного продукта – буржуазного правового государства. Если либерализм Карл Шмитт считает аполитичным, то демократию – слишком политической, слишком навязчивой, стремящейся как можно шире трактовать политические проблемы.

Демократия останавливает начатый либерализмом процесс деполитизации и меняет партийное государство на тотальное, в котором государство и общество глубоко проникают друг в друга. Тем самым стирается противоречие между государством и обществом, между государством и экономикой, а политика проникает во все сферы человеческого мышления и человеческой деятельности. Таким образом, по Шмитту, для устранения дуализма государства и общества необходимо создание тотального государства, формирование новой абсолютной монархии, которая отличается от прежнего абсолютизма тем, что вовлекает в политику всех людей.

Кризис парламентаризма. Анализируя политику Веймарской Германии, Шмитт приходит к выводу, что наступил кризис парламентаризма. Он рассуждает следующим образом: важным принципом парламентаризма является открытость. Депутаты в совокупности должны представлять весь народ, а не отдельные партии или группу политических партий. Законодательная власть должна быть отделена от власти исполнительной. Но это в теории. На практике все происходит наоборот. Дискуссии становятся пустой формальностью, а поскольку партийные лидеры обо всем договариваются заранее, результаты голосования в парламенте можно предсказать. Решающим фактором оказывается не суть дела, а возможность получить те или иные выгоды. При этом парламентские речи являются только прикрытием корыстных интересов. В результате гарантируемые в конституции права постоянно нарушаются, а новые законы проводятся благодаря произволу отдельных группировок и тем самым дискредитируются. Происходит формализация права, когда любая команда сверху легко облекается в форму закона и легализуется, утверждается парламентом и становится обязательной правовой нормой. Постепенно законами становятся отдельные мероприятия правительства, хотя они в принципе не должны зависеть от последних.

Все это ведет в конечном счете к превращению правового государства в “сложный абсолютизм” [Schmitt, 1932: 24]. От власти закона быстро переходят к власти организаций, занимающихся законодательным процессом. Одновременно происходит нарушение политического единства государства. Партии трансформируются в организации, тотально контролирующие своих членов.

Идея парламента как центра проведения открытых дискуссий, ведущих к принятию правильных законов, предполагает, что в нем должна быть собрана вся элита нации. Депутат должен быть интеллигентным, иметь хорошее образование и отстаивать независимую позицию. На деле же все депутаты стремятся проводить точку зрения своей партии или партийной коалиции. Всех, кто этому сопротивляется, принуждают всевозможными методами. Политический вес парламентских фракций определяется исключительно числом их мандатов. При этом невозможно проводить в парламенте публичные дискуссии, отражая интересы всех классов. Постепенно парламент теряет свой представительский характер и превращается в нечто похожее на аппарат обычного министерства.

Диктатура партий. Парламентский строй немыслим без политических партий, которые должны объединяться в парламенте, призванном координировать многообразие их политических волей. Партии основаны на принципе свободной пропаганды своих идей и программ. Они не должны быть слишком жесткими, поскольку это может помешать необходимым социальным преобразованиям.

На практике же партии Веймарской Германии, по мнению Шмитта, представляли собой хорошо организованные политические формирования, имеющие сильную бюрократию, состоящую из оплачиваемых функционеров, а также сеть более мелких организаций, находящуюся под их влиянием. Каждая партия стремилась развиваться в идеологическом и экономическом направлении и по возможности расширять сферу своего политического влияния. Все это привело к тому, что государственное единство начинало страдать от укрепления партий. Государственная воля стала зависимой от частных, порой сиюминутных интересов.

Правительства, основанные на союзах влиятельных партий, как правило, неспособны проводить последовательную государственную политику, и не намерены никого другого подпускать к власти. Участвующие в этом процессе партии всячески добиваются для себя экономических выгод и хотят получить как можно больше хорошо оплачиваемых мест в органах власти различного уровня. Те партии, которые действительно отстаивают государственные интересы, вынуждены принять эти правила игры, чтобы не оказаться полностью отстраненными от политики.

Проблемы аналогичного характера возникают при подборе кадров для государственной службы. Вместо того, чтобы ставить на ключевые посты наиболее добросовестных и ответственных чиновников, эти места распределяются между партийными функционерами. Шмитт постоянно подчеркивает, что депутаты должны избираться непосредственно избирателями, а не выдвигаться от партий, чтобы баллотироваться по партийным спискам. В то же время благодаря различного рода барьерам мелкие партии лишаются возможности провести в парламент своих представителей.

В ходе выборов все больше выбирают не независимых кандидатов, а представителей от партий по партийным спискам. Граждане, не состоящие в партиях, должны выбирать одну из представленных на выборах партий, даже если они не поддерживают их программы и их лидеров. Выборы превращаются в раздел функционирования государства из нескольких хорошо организованных социальных комплексов. Депутаты становятся функционерами, получающими указания извне, как правило от руководства своих партий, и совершенно не зависят от граждан, интересы которых они якобы представляют. Обсуждение законов превращается в пустой фарс. Политические партии используют все инструменты для борьбы с другими партиями, а все партии вместе борются с государством.

Государство теперь полностью подчиняется экономике, которая определяет не только всю внутреннюю политику, но и почти полностью – политику внешнюю. Любая государственная экономическая программа приносит выгоду отдельным фирмам, которые в свою очередь выделяют средства на финансирование своих партий. Попытки государства выйти из этого замкнутого круга обречены на неудачу и ведут в конце концов к полному разрушению государственного единства, к “бегству от политики”, к кризису и к распаду государства¹.

Парламент, партии и выборы больше не соответствуют заложенному в них изначальному смыслу. Выход из сложившейся ситуации Шмитт видит на путях увеличения социальной однородности общества. Только она способна привести к ситуации, когда физическое насилие больше не потребуется. Но достижение социальной однородности не может происходить безболезненно, поскольку обществу необходимо будет избавиться от таких своих членов, которые каким-то образом не впишутся в общий стандарт поведения и мышления.

Другим путем решения сложившихся в Веймарской Германии политических проблем немецкий теоретик государственного права считал отмену угрожающей государственному единству многопартийности. Дело в том, что государственное единство нельзя передавать в частные руки и поручать каким-либо посредникам в лице партий или каких угодно иных организаций. Даже незначительная потеря государственного единства приводит общество к хаосу и к гражданской войне, то есть к состоянию, в котором государство может распасться, а общество – погибнуть. Чтобы этого избежать, необходим, по мнению Шмитта, харизматический диктатор, способный объединить вокруг себя остатки государственно мыслящей политической элиты и остановить сползание общества в пучину перманентной гражданской войны, способной не оставить камня на камне от бывшего государственного могущества.

Шмитт предлагает два варианта оздоровления государства: первый – это переход к однопартийной системе; второй – это создание большого национального мифа, способного вытеснить из общественного сознания масс миф о представительной демократии и парламентаризме. Безвыходность политической ситуации в Германии того времени состояла в том, что легальными конституционными мерами оказывалось невозможно сохранить политическое единство общества. Поэтому, по Шмитту, необходим был диктатор, который бы поставил себя выше конституции и отменил бы ее. Легитимность “суверенному диктатору” должен был обеспечить народ, поскольку именно он является основой власти. Народ имеет право отказаться от прежней конституции². Субъектом политических решений в этом случае может выступать наиболее организованная политическая группа, которую Шмитт склонен именовать не партией, а “орденом”.

Понятие схожести. Важное значение в политической теории Шмитта играют понятия вождизма³ и схожести. Понятие схожести является элементом, объединяющим вождя и его свиту. Наличие схожести способствует тому, что противоречия между вождем и его свитой становятся невозможными, поскольку они представляют собой явления одного порядка, внутренне близкие друг к другу. Свита вождя – это такие же вожди, только более мелкого масштаба. Сходство вождя с его свитой объединяет их в единое целое.

¹ За всеми этими явлениями Шмитт видит кризис идеи “всеобщей воли», представленной во многих классических теориях демократии, в частности Ж.Ж. Руссо. “Всеобщая воля” заменяется суммой волей отдельных личностей, в чем, по мнению Шмитта, проявляется кризис европейской либеральной политики.

² В связи с приходом в 1933 г. к власти национал-социалистов прежняя конституция Германии была отменена. Несмотря на внешнюю легитимность перехода к нацистам государственной власти Шмитт отмечал, что в данном случае имела место политическая революция. Во время выборов 5 марта 1933 г. немецкий народ сделал свой выбор и выбрал себе нового вождя. В результате этого партия Гитлера стала той организацией, которая составила в тот момент ядро немецкого государства.

³ Понятие вождизма в свою очередь распадается на два понятия – вождя и его свиты.

Не желая говорить открыто о расовой тематике, Шмитт использует понятие схожести в значении единой расы, единой этнической природы, единых привычек и убеждений. Это понятие играло в тогдашней Германии немаловажную роль, поскольку оно помогало выявить врагов, то есть тех, кто так или иначе был противником политического власти. Понятие схожести было для Шмитта гарантом политического единства общества, лежало в основе взаимного доверия вождя и его свиты, помогало власти вождя не перерасти в тиранию произвола.

Идентичность, по Шмитту – это основанная на понимании своей внутренней схожести способность народа к политическим действиям [Schmitt, 1928: 205]. Однако политическое единство общества проявляется не в идентичности, а в репрезентативности. Демократия тесно связана с понятиями схожести и идентичности, с представлением о равенстве людей. Идентичность отражает общность главы государства и его граждан, правительства и подвластных. Все они формально равны. Это равенство связано с принадлежностью к конкретному народу, что означает для Шмитта отказ от либерального индивидуализма.

После прихода к власти нацистов понятие схожести стало интерпретироваться как одинаковость, как биологическое равенство, как расовая гомогенность. Ее стали понимать как родство крови, как биологическое сходство, что в корне отличалось от шмиттовского понятия схожести. В то же время стремление к схожести и к диктатуре вождя являются для Шмитта основными условиями, которые способны вывести Германию из политического и экономического кризиса.

Схожесть, по мнению Шмитта, должна лежать также в основе действия права. Современное общество настолько усложнилось, в нем настолько умножились возможности для новых конфликтов, что прежние социальные нормы уже не в состоянии эффективно работать. Судьи в своих решениях не могут на них сослаться, что создает массу проблем. В данной ситуации все судьи должны быть подчинены государственной партии, которой доверяется сохранение политического единства общества.

Идеалом правового государства он считал сведение всей государственной жизни к юридическим формам. В результате происходит политизация юстиции. Шмитт высказывался против сращивания политики с юриспруденцией. Он предлагает полностью отказаться от теории правового государства, которая, по его мнению, явилась продуктом эпохи господства либерального индивидуализма. Именно тогда право начали сводить к “позитивистскому нормативизму”, в то время как право не существует вне государства, и те, кто пытаются поставить право на первое место, хотят разрушить государство.

Понятие схожести Шмитт использует и для интерпретации международной политики. В работе “Национал-социализм и международное право” (1934) он утверждает, что международное право должно учитывать особенности конкретных народов. В международных делах речь идет не только об установлении определенных правил, но и о том, как народы привыкли жить, какие у них нормы и ценности. Международное право не должно быть только сводом абстрактных правил, применимых для всех времен и народов, а должно в первую очередь учитывать специфику каждого государства, особенности культуры каждого народа. Необходимо стремиться к единству юридических норм и народных обычаев.

Друг – враг. К. Шмитт поднимает немало важных проблем, однако особый интерес представляет все же его трактовка сущности политики. Речь идет, прежде всего, о его работе “Понятие политического” (1932). Сопоставляя политическую сферу с областями экономики и религии, он приходит к выводу об относительной их самостоятельности. В каждой из них существуют свои закономерности и принципы. Так, в экономической сфере речь идет о получении прибыли и об оптимизации издержек; в религии главное – спасение души человека. Что же касается особенностей политической сферы, то, по его мнению, в ней речь всегда идет о бесконечной борьбе за выживание, которая приводит к постоянному образованию коалиций и союзов, с одной

стороны, и к войнам – с другой стороны. То есть, политикам непрестанно приходится искать друзей и союзников, чтобы бороться со своими врагами.

Особое внимание Шмитт уделяет понятию врага, который, по его мнению, не обязательно должен быть плохим, но в силу того, что он враг, его следует уничтожить. Враг – это “не конкурент и не противник, ненавидимый в силу личной антипатии. Враг – это борющаяся совокупность людей, противостоящая другой совокупности” [Шмитт, 2011: 23]. То есть, речь не идет о личной неприязни. Враг вполне может оказаться симпатичным и добрым, но, тем не менее, в силу политических причин он должен быть элиминирован.

Политические проблемы могут возникнуть в любой сфере, если противоречия обостряются до такой степени, что люди готовы начать борьбу не на жизнь, а на смерть. Политические противоречия часто путают с экономической конкуренцией. К. Шмитт убедительно показывает, что в отличие от экономической конкурентной борьбы, которая не связана с уничтожением людей, политические противоречия всегда ведут к военным конфликтам и к борьбе с внутренними врагами. В политических конфликтах часто вопрос стоит о том “кто – кого”, и если врага не уничтожить, то он уничтожит тебя. То есть бытие чужого является отрицанием собственного бытия, поэтому необходимо врагу дать отпор и одержать над ним победу. Шмитт пишет: “Напрашивается трактовка врага как злого и безобразного ... Морально злое, эстетически безобразное или экономически вредное само по себе еще не является врагом в политическом смысле. Морально доброе, эстетически прекрасное и экономически полезное не становится автоматически политическим другом” [Шмитт, 2011: 22].

Понятие врага всегда предполагает реальную возможность войны. Войны могут вестись как между политическими единствами, так и внутри политических единств (гражданские войны). “Понятия “друг”, “враг”, “борьба” получают реальный смысл благодаря тому, что они связаны с реальной возможностью физического убийства. Война следует из вражды, ибо эта последняя есть отрицание чужого бытия. Война есть только крайняя реализация вражды. Она... всегда остается реальной возможностью” [Шмитт, 2011: 27].

Политический конфликт созревает тогда, когда люди начинают делиться на друзей и врагов, поэтому политические понятия часто имеют полемический смысл. Выдающиеся политики являются как мастерами в создании коалиций, в дружбе, так и во вражде – в умении побеждать своих политических противников.

Шмитт считает, что любое политическое действие – это всегда боевое действие, а задача политиков состоит в том, чтобы в каждый момент вновь и вновь обращаться к вопросу о том, кто является другом, а кто – врагом. Можно сказать, что это их право и основная обязанность состоит в том, чтобы решать это за других: “Война имеет свои собственные, стратегические, тактические и другие правила, которые предполагают политическое решение в том, кто есть враг. В войне противники открыто противостоят друг другу, обычно отличаясь даже униформой, когда проблема врага уже решена, и ее не нужно решать каждому солдату. Вот почему верны слова одного английского дипломата: “Политик лучше подготовлен для борьбы, чем солдат, ибо он сражается всю жизнь, в то время как солдат – лишь в исключительных случаях” [Шмитт, 2011: 27].

Определенная жесткость политики состоит в том, что в случае, если кто-то будет объявлен врагом, он должен быть готов к тому, что против него могут быть направлены все средства государственного принуждения.

О международной политике. Шмитт выступает против пацифистских теорий, предлагающих исключить войну из средств международной политики. “Война – это вообще не цель и даже не содержание политики, но как реальная возможность она присутствует всегда, определяет мышление и формирует специфическое политическое поведение” [Шмитт, 2011: 27]. Народ не должен специально искать себе друзей и врагов, но нельзя и стремиться избегать войны любой ценой.

Для Шмитта внутреннее право имеет приоритет над международным. По его мнению, нельзя подгонять внутренние законы страны под международные нормы и требования. Наоборот, международное право должно в первую очередь учитывать национальное законодательство и обычаи. Он приходит к выводу, что отношения родственных народов всегда лучше отношений чуждых друг другу народов. Здесь можно заметить некоторую аналогию с понятием схожести, которое Шмитт использует в анализе внутренней политики. Также как и внутри государства схожесть граждан позволяет избегать множества социальных конфликтов, также и схожесть народов позволяет надеяться на то, что между ними не будет военных конфликтов.

Успешно сотрудничать между собой могут только те государства, которые близки друг другу по крови, по языку, по своим обычаям, привычкам и традициям. И наоборот, сильно отличающиеся друг от друга народы, как правило, конфликтуют. Поэтому при вступлении в политические союзы должна учитываться степень культурной близости заключающих эти союзы государств и родственность народов, их составляющих. Гомогенные политические союзы гарантируют минимальный потенциал политических и иных конфликтов, способны сохраняться более длительное время.

Европейские нации могут создать новый политический союз, поскольку они обладают достаточной культурной однородностью и этнической близостью. Шмитт говорит о “семье” европейских народов, о едином “европейском доме”, подчеркивая тем самым их духовную, культурную и историческую близость. Новый европейский порядок должен опираться на дух этой общности, и только он способен гарантировать политическое существование европейским нациям в будущем.

В теории “больших пространств” Шмитт развивает идею о том, что мелкие сухопутные государства стремятся объединиться в “государство-континент”, создать единое “большое пространство” – империю как некое наднациональное политическое образование. В книге “Государственный суверенитет и открытое море” (1941) Шмитт утверждает, что в мировой политике имеет место борьба двух больших пространств: англосаксонского (Великобритания и США) и евразийского (Германия и Россия).

Представители континентальных народов (их он называет партизанами) призваны бороться против демократии, так как они связаны с землей. Они являются единственным оружием сухопутных государств в борьбе с морскими. “Номос земли”, по его мнению, противоположен “номосу моря”, поэтому имеет место извечная борьба Суши и Моря. Связь с землей порождает консерватизм и традиционализм, связь с морем – либерализм и анархию [Schmitt, 1942].

Анализ политической мысли Шмитта показывает, что он внес ряд новых понятий и трактовок политических процессов. Даже краткое знакомство с его политической концепцией позволяет сделать вывод о том, что она по-новому трактует такие понятия, как демократия, правовое государство, тоталитаризм и др. Кроме того, многие политические проблемы Веймарской Германии во многом имеют исторические параллели с процессами, происходившими в России и странах Центральной и Восточной Европы после распада содружества стран социалистического лагеря и краха СССР.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Шмитт К.* Понятие политического. М., 2011.
Schmitt K. Der Begriff des Politischen. Berlin, 1963.
Schmitt K. Der Nomos der Erde. Köln, 1950.
Schmitt K. Legalität und Legitimität. München, 1932.
Schmitt K. Nationalsozialismus und Völkerrecht. Berlin, 1934.
Schmitt K. Politische Theologie, 6. Aufl. Berlin, 1996.
Schmitt K. Staat, Bewegung, Volk. Die Dreigliederung der politischen Einheit. 2. Aufl. Berlin, 1934.
Schmitt K. Verfassungslehre. München, 1928.